

Научная статья
УДК 351
EDN YFGMYM

Проблема альтернатив в развитии российской государственности

Аркадий Наумович Долгих, доктор исторических наук, доцент
Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецкая область, Липецк, Россия, adonli@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены современные взгляды на альтернативность развития России и российской государственности на протяжении истории страны. Автор высказывает свое отношение к некоторым сложившимся взглядам на этот счет. В статье представлены также другие трактовки соответствующей проблемы.

Ключевые слова: альтернативность, Русь, Россия, самодержавие, государственность

Для цитирования: Долгих А. Н. Проблема альтернатив в развитии российской государственности // Фотьевские чтения – 2024 : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 20 декабря 2024 г.). Благовещенск : Дальневосточный ГАУ, 2025. С. 44–50.

Original article

The problem of alternatives in the development of Russian statehood

Arkady N. Dolgikh, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky
Lipetsk region, Lipetsk, Russia, adonli@mail.ru

Abstract. The article examines modern views on the alternative development of Russia and Russian statehood throughout the country's history. The author expresses his attitude to some of the prevailing views on this subject. The article also presents other interpretations of the relevant problem.

Keywords: alternative, Rus, Russia, autocracy, statehood

For citation: Dolgikh A. N. The problem of alternatives in the development of Russian statehood. Proceedings from Fotyev readings – 2024: *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. (PP. 44–50), Blagoveshchensk, Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2025 (in Russ.).

Сегодня становится очевидным, что направление развития нашей страны и нашей государственности не было изначально запрограммированным. Об этом стали писать [1, 2]. При этом представление о том, что в том или ином случае возможен был тот или иной поворот в одну или другую сторону, носит во многом вкусовой характер. Так, например, автор одной из книг на эту тему А. Г. Данилов выбирает из истории Отечества следующие развилки: возможность объединения Руси в период ордынского ига либо Москвой, либо Вильно (Великое княжество Литовское); реформы так называемой Избранной рады в эпоху правления Ивана Грозного, сменившиеся во многом вскоре противостоящей им опричниной; выбор страны по окончании Смуты возврата к самодержавию вместо других политических форм; «петровско-голицынскую альтернативу» рубежа XVII–XVIII вв.; «затейку верховников» 1730 г.; панинские проекты середины XVIII в.; «заигрывание с либерализмом» Александра I, сменившееся в дальнейшем реакцией конца его царствования; декабристский путч с возможными изменениями в стране в случае его удачи, 1861-й г. и «Конституцию» М. Т. Лорис-Меликова самого начала 1880-х гг. Показательно, что в данном случае им игнорируется эпоха, предшествовавшая ордынскому нашествию, с одной стороны, а также проблемы, связанные с великой русской революцией начала XX в., эпохой НЭПа и сменившей его политико-экономической системой; наконец, перестройка второй половины 1980-х гг. и 1991 г. со вполне понятными последствиями и для страны, и для ее государственности [1].

С нашей точки зрения, здесь следует рассматривать, исключая лишь начальную фазу, лишь те эпизоды в истории, которые в той или иной степени инициировались верховной властью, так как в силу исторической традиции, ведущей свое начало, пожалуй, с ордынских времен и Московского государства, всякого рода изменения были возможны лишь «сверху», о чем прямо писал, пусть и несколько в ином аспекте Н. Я. Эйдельман [3]. Таким образом, реально из этой группы, по нашему мнению, выпадали эпизоды с Верховным

Тайным советом и панинская «конституция» (речь могла идти и там, и тут реально лишь о том, чтобы передать «власть от одной кучки феодалов к другой», как об этом писал В. И. Ленин), движение декабристов (наше мнение крайне скептическое насчет возможных изменений в случае их гипотетической победы: оно основывается в том числе и на том, что они в своей массе не освобождали своих крестьян, а именно это обстоятельство было важнейшим элементом их политических программ, хотя имелся и указ 1803 г. о вольных хлебопашцах, дававший эту возможность).

С другой стороны, сюда же нужно отнести и «либеральные» мечты императора Александра I, не составлявшие, на деле, сути его мировоззрения и закономерно пришедшие к Священному союзу и Библейскому обществу, стагнации развития страны. Оставим также в стороне и ситуацию с «великими реформами» 1860–1870-х гг., незавершенность которых также была вполне закономерной; причем с нашей точки зрения, эта реформа, скажем так, «спустила курок», который через несколько десятилетий привел Российскую империю к вполне закономерному краху. Изгибы же советской действительности и крах социализма в 1991 г. мы относим уже к другой парадигме: неспособности российской коммунистической элиты вовремя перестраиваться, учитывая нужды времени.

Посмотрим теперь на выбранные нами эпизоды, связанные с альтернативностью развития страны. Еще раз подчеркиваем, что этот выбор довольно субъективен. Начнем с неиспользованной А. Г. Даниловым картины альтернативности развития Руси последнего столетия перед Ордой. Очевидно, что в ту пору существовало практически две (или три) политические модели развития, которые, в принципе, могли стать позднейшей основой развития страны. Первая из них – авторитарная, оформилась на Северо-востоке, в Ростово-Суздальской (либо Владимиро-Суздальской) земле, где князья, начиная с Юрия Долгорукого, зазывали на эти малоосвоенные земли людей с юга (страдавших от

нападений кочевников и др.), оформляя с ними определенные отношения, опираясь на вече новых городов (типа Владимира на Клязьме) и так называемых «дворян», мелких служилых людей, постепенно ломая хребет местному боярству, несмотря на его попытки противостоять этому натиску (например, убийство Андрея Боголюбского). После ордынского погрома эта самодержавная модель станет характерной для всей Московской Руси: Орда сыграет здесь в резонанс, поставив во главе самодержавной пирамиды хана. Второй вариант связан преимущественно с Великим Новгородом, где стремление бояр и вече к независимости от Киева привело постепенно в XII в. к оформлению иного политического устройства – так называемой «боярской республики». Вряд ли эта система имела в перспективе для всего восточно-славянского региона успех, но здесь, особенно в связи с торговым значением Новгорода, она существовала. Что же касается Юго-запада, то ситуация со своеобразным «динамическим равновесием» князей и боярства в Галиче и на Волыни могла быть связана и с тем, что киевские князья в пору их могущества не создавали здесь особых княжеских династий, традиций сильной княжеской власти здесь не существовало (как и в Новгороде), а также с использованием политического опыта фактически рядом живших польских магнатов, которые у себя в стране в ту пору фактически управляли государством при падении роли королевской власти. Так или иначе, эти две (или три) политические модели имели место в доордынской Руси, что вполне справедливо. Реализовалась в дальнейшем, в основном, первая (по крайней мере, в Московии).

Трудно говорить о гипотетической возможности объединения Руси после ордынского разгрома при активном участии Великого княжества Литовского. Если в споре с Тверью, чья политическая система была сходной с Москвой, Москва победила, используя в значительной степени различные, чаще всего субъективные факторы, то в отношении сравнения той же Московии с Великим княжеством Литовским этого единства почти не было, пожалуй, исключая

лишь примерно равномерное развитие в обоих государствах крепостного права (в отношении крестьян). В остальном разница между ними была значительной. Соглашаясь с Л. Н. Гумилевым в его аргументации [4, С. 148, 185], отметим решающую роль православия на Северо-востоке, позволившего найти точки соприкосновения отдельных общественных слоев, в отличие от Литвы, где противостояние трех религий (язычества в собственно литовских областях, православия на основной территории государства и католицизма, идущего из Польши) все испортило, несмотря на многочисленные плюсы той политической системы – свободы собственности и даже политические права дворянства и частично городов, развитие городского самоуправления и др.

Действительной альтернативой российского развития стала эпоха правления Ивана Грозного. Многое в ней неясно. Главное заключается в том, как можно объяснить мощное развитие в середине XVI в. местного самоуправления в эпоху так называемой Избранной рады (несмотря на некоторый скепсис в отношении персонификации самих ее реформ) с последующим закатом реформ и усилением самодержавного гнета, репрессий (опричнины), которые иногда объясняются (А. В. Янов) в особенности Ливонской войной и поражениями в ней. Но, с другой стороны, всякое отступление от авторитаризма в ту пору уже было, видимо, архаизмом, и долго подобная система (земская реформа, губная реформа, реформы городского управления) вряд ли могла существовать [1, С. 57–79; 5; 6, С. 154–192].

Выбор самодержавия после Смуты нам представляется вполне закономерным, несмотря на то, что тот же А. Г. Данилов считал возможным и другую политическую модель, но которая не реализовалась из-за опасения новой Смуты. Мы не видим здесь серьезной альтернативы в развитии, которую, конечно, хотелось бы видеть, но путь наш к авторитарному режиму был уже обозначен, и с него мы не сходили многие столетия [1, С. 80–116].

Вместе с тем «петровско-голицынская» альтернатива, действительно, имела место. Дело в том, что в российской модернизации страна была заинтересована, особенно часть правящей элиты, понимавшая, пусть и не всегда, что без нее Россия сможет и не уцелеть в борьбе с мощными европейскими державами и Османской империей. Выбранный путь преобразований в последние десятилетия правления Алексея Михайловича, при Федоре Алексеевиче и Софье Алексеевне, при всей его малой изученности, все же представлял собой иной вариант развития, нежели будущий петровский: возвращение в той или иной степени Земских соборов или привлечение в других формах «общества» к государственным делам; развитие или хотя бы сохранение доли вольнонаемного труда в промышленности наряду с расширением экономической свободы (А. Л. Ордин-Нащокин и Новоторговый устав 1667 г.), усиление торговых и политических связей с другими странами (в том числе с другими религиями) – в общем, относительно более мягкий путь реформ.

Мы лишь не согласны с резким утверждением того же А. Г. Данилова о возможной отмене крепостного права, либо его смягчении по плану В. В. Голицына. Эти достаточно завиральные для той эпохи идеи, даже если верить иностранцу Невиллю, с которым Голицын беседовал в 1689 г., были обречены на неудачу. Но в остальном альтернатива будущей петровской централизации и регламентации с ее крайностями, ликвидацией вольнонаемного труда в промышленности, резким ростом давления государства на общество во всех сферах очевидна [1, С. 117–172].

С нашей точки зрения, петровская реформа определила магистральное направление нашего отечественного развития на полтора – два столетия, поэтому мы крайне скептически относимся к возможным более поздним альтернативам этого развития, напоминающим нам лишь «бурю в стакане воды».

Список источников

1. Данилов А. Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV–XIX вв.). Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. 317 с.
2. Долгих А. Н. Российская цивилизация: Запад или Восток? К продолжению дискуссии // Восток-Запад: история и современность. 2023. № 3. С. 125–129.
3. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М. : Книга, 1989. 176 с.
4. Гумилев Л. Н. От Руси к России. М. : РГ-Пресс, 2023. 320 с.
5. Долгих А. Н. Административные реформы в России середины XVI века как историографическая проблема // История: факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 103–112.
6. Янов А. В. Россия: у истоков трагедии (1462–1584). Заметки о природе и происхождении русской государственности. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

References

1. Danilov A. G. *Alternatives in the history of Russia: myth or reality (XIV–XIX centuries)*, Rostov-on-Don, Feniks, 2007, 317 p. (in Russ.).
2. Dolgikh A. N. Russian civilization: West or East? To continue the discussion. *Vostok-Zapad: istoriya i sovremennost'*, 2023;3:125–129 (in Russ.).
3. Eidelman N. Ya. *The "Revolution from above" in Russia*, Moscow, Kniga, 1989, 176 p. (in Russ.).
4. Gumilev L. N. *From Rus to Russia*, Moscow, RG-Press, 2023, 320 p. (in Russ.).
5. Dolgikh A. N. Administrative reform in Russia the middle of the XVI century as a historiographical problem. *Istoriya: fakty i simvol'y*, 2023;2(35):103–112 (in Russ.).
6. Yanov A. V. *Russia: at the origins of the tragedy (1462–1584). Notes on the nature and origin of Russian statehood*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2001, 559 p. (in Russ.).

© Долгих А. Н., 2025

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 29.01.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 31.07.2025.